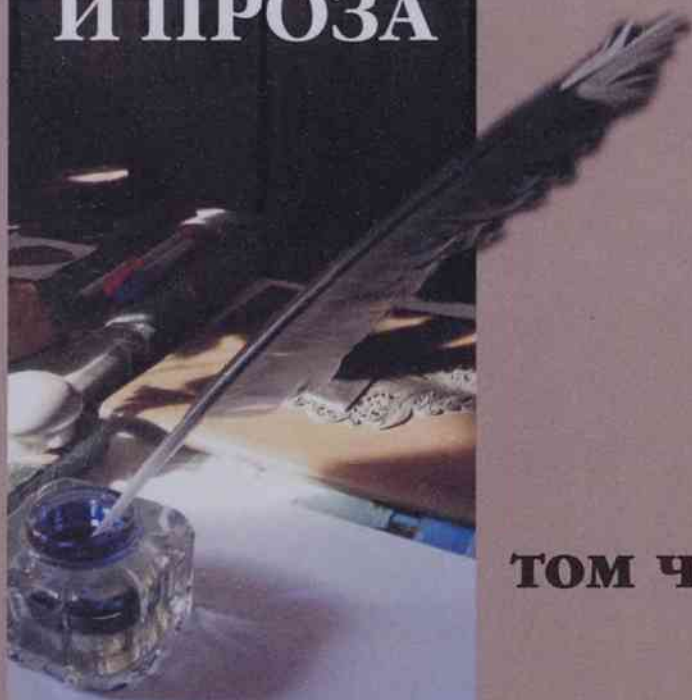

К 84
В 96

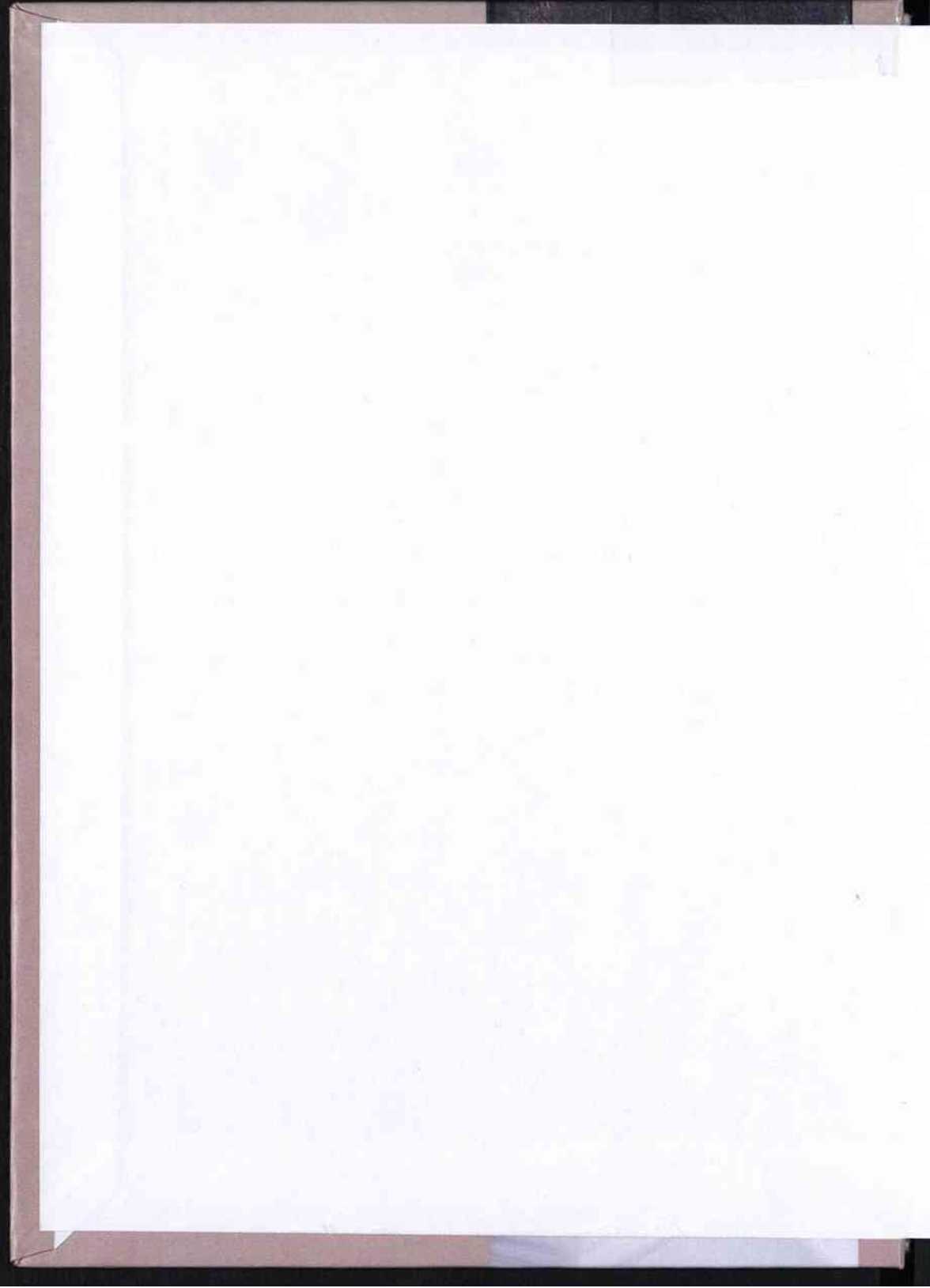
*Вячеслав
Вьюнов*

**ПОЭЗИЯ
И ПРОЗА**

**«Я, видимо,
очень русский...»**

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

■

Вячеслав ВЬЮНОВ

***«Я, ВИДИМО,
ОЧЕНЬ РУССКИЙ...»***

Том четвёртый

**Чита
2025**

■

УДК 821.161.1-1
К847 ББК 84(2=411.2)6-5
В 96

Автор благодарен родным, друзьям, коллегам Михаила Евсеевича Вишнякова – Ии Михайловне Вишняковой-Толстой, Равилю Фаритовичу Гениатулину, Георгию Дмитриевичу Стуканову, Николаю Петровичу Назарову, Дмитрию Эдуардовичу Селютину и многим другим за помощь в написании этой книги. Они вспомнили малоизвестные страницы жизни поэта, уточнили даты, фамилии участников тех событий, теперь уже ставших историей.

Особая благодарность Екатерине Анатольевне Кабановой за помощь в редактировании.

Книга издана за счёт средств автора.

ISBN 978-5-6052783-9-9

Вьюнов Вячеслав Александрович

В 96 «Я, видимо, очень русский...» : Том четвёртый (12+) / В. А. Вьюнов. – Чита : Читинская городская типография, 2025. – 238 с.

На каком-то вечере в сельском клубе один любознательный читатель спросил меня, сколько книг я написал и где их напечатал. Поначалу я, как школьник, стал старательно отвечать на вопрос, а потом остановился. Потому что не всё помню. А потом подумал, что вопрос был задан неправильно. Правильным вопрос мог стать таким: что и о чём я пока не написал...

ISBN 978-5-6052783-9-9

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

© Вьюнов В.А., 2025 г.
© ООО «Читинская городская типография», 2025 г.

- 586732 -
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА им. А.С. Пушкина
АБОНЕМЕНТ

КАБОШОНЫ

Миниатюры в прозе

*Ещё есть чернила и стопка бумаги,
И ты понимаешь, что верно, что ложно.
Ещё есть отвага, навалом отваги,
Вот только вернуть ничего невозможно!*

ОТ АВТОРА

Много лет назад была у меня в деревне небольшая столярная мастерская. Приспособил под неё военный кунг с дизельной печкой. Собрал самодельный токарный станок. Инструмент, как и навыки, достались от отца. И стал я делать мебель. Надо сказать, в девяностые годы в деревне это был один из немногих способов заработка. Сработало сарафанное радио. Заказчиками выступали горожане из новых русских. Мебель выходила неплохая – резная, гнутая, под старину. Она до сих пор стоит в некоторых читинских квартирах. И материал был приличный – дуб, бук, граб, ясень, липа, берёза, иногда сосна. Подбирал всё это добро на свалках, куда свозили ненужную вышедшую из моды старинную мебель. А ещё одно время стали менять в учреждениях вековые входные двери – прочные, надёжные, красивые – на хлипкие современные из древесной плиты (кстати, меня всегда ставило в тупик стремление чиновников пустить цивилизацию по упрощённой модели). Старые двери, как правило, собирали из дубовых пластин.

В результате после изготовления очередного пуфика или столика оставались какие-нибудь дощечки, бруски, плашки. И выбрасывать в печь жалко, и вроде бы приспособить некуда. Лежат и лежат. Однако со временем все эти ненужные деревяшки нашли своё место – на рукоятки, клинья, какую-нибудь мелочовку.

Работа литератора схожа с работой столяра – всегда есть куча отходов.

Дневники веду всю жизнь – с шестого класса. Начинаешь разбирать, пересматривать, читать и натыкаешься на давно забытые события. И возвращаются прежние чувства. Какие-то сюжеты прилаживаешь к новой литературной работе, какие-то мысли дают толчок стихотворению. А бывает и так: с одной стороны, посмотришь, с другой – покрутишь – никуда не приспособить! Откладываю до поры в сторону.

У ювелиров есть термин «кабошон». Кабошон – огранённый или отшлифованный драгоценный, полудрагоценный или поделочный

камень, который сам по себе не является изделием, а служит вставкой в перстень, кольцо, подвеску. Перечитывая дневники, я выковыриваю литературные «кабошоны», придаю им блеск или огранку и вставляю в рассказы, стихотворения, повести. Особенно много «кабошонов» съедает роман, это и понятно. Но некоторые уже десятилетиями лежат без движения. Какая-то часть «кабошонов» была использована в романе «Сладкая печаль сердца» в изменённом виде, однако сейчас они будут явлены читателю как маленькие самостоятельные произведения. Мне кажется, читатель должен увидеть их – опубликованных в качестве вставок или лежащих по сей день втуне. В конце концов, «кабошоны» тоже имеют право на самостоятельную жизнь!

Миниатюры эти – не притчи, не выдуманные истории. В них описываются случаи, произошедшие в моей жизни, жизни близких и знакомых людей. Это всего лишь находки: в троллейбусе, на грибной тропинке, на городской улице, деревенском переулке, на охоте и рыбалке, за редакционным столом и столиком в ресторане...

Миниатюры эти настолько малы, что не имеют права называться рассказами: в них нет завязки, кульминации, развязки – то есть обязательных признаков литературного жанра. В то же время они слишком обычны, непритязательны, чтобы претендовать на сенсацию. Все переживания, мысли, чувства, пришедшие в подобных случаях, знакомы каждому. Однако некоторые миниатюры после вторичного прочтения дарят новые неожиданные мысли, которые первоначально не предполагались автором.

Миниатюры, использованные в романе «Сладкая печаль сердца», повести «Я, видимо, очень русский...» и других произведениях, помечены звёздочкой.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В конце семидесятых – начале восьмидесятых лет прошлого века служила в нашем драматическом театре молодая семейная пара из Ташкента – Сусанна Сидорова и Геннадий Киселёв. Он писал неплохие стихи, играл на гитаре, хорошо пел. Я в то время работал корреспондентом редакции газеты «Забайкальский Рабочий». С Геннадием мы крепко подружились. Относительная свобода давала возможность днями и вечерами пропадать в театре, и через какое-то время среди артистов я стал своим человеком.

Само собой, вскоре я узнал многие тайны театрального двора. У кого в гримёрке за трельяжем стоит коньячок, у кого – водочка, а у кого – портвешок. Эти секреты проходили по статье самых невинных. Были мне известны разные скандальные, адюльтерные, неприличные истории, которые случались в труппе. И тогда мне стали понятны строки: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Спектакли нашей труппы я уже не мог смотреть: ненужные, бытовые мелочи приземлённой стороны жизни неодолимой стеной стояли на пути к светлому образу княгини Волконской.

Из этой истории я понял одно: не всякое знание делает тебя умнее и мудрее. Не всякий опыт можно положить в свою копилку. Не всё надо знать. И если у тебя на стене висит ковёр, любуйся красивым орнаментом, а не выискивай узелки на тыльной стороне ковра.

Есть знания, которые обедняют человека.

ПАМЯТЬ

Перед отъездом в город жена по обыкновению помыла полы в избе. Выстиранный половик сох на заборе. Жена возьми да и постели у порога первое, что попало под руку – мой старый, уже негодный, светло-коричневый свитер с длинным горлом. От времени и частых стирок свитер порядком сел, но сел как-то странно – вытянулся в длину и сузился в ширину. Когда жена постелила его у порога, я даже внутренне ахнул: с раскинутыми в стороны рукавами он походил на христианский крест. Светлый крест на тёмном полу. Всякий входящий должен был, переступив порог, наступить ногами на крест. Появилась какая-то душевная неуютность. Я ещё толком не успел в себе разобраться, как дверь распахнулась, и в проёме возник Александр Долбиев – друг, с которым знаком много лет.

Надо сказать, что Александр Васильевич половину своей жизни провёл в небе. Штурман. Убеждённый атеист и реалист. Не видел не только Бога, ангелов, но даже НЛО ни разу не встретил. Верит лишь в двигатель внутреннего сгорания.

Мне из комнаты хорошо видно его замешательство. Он занёс ногу через порог и словно упёрся в невидимую преграду. Потом быстро и неловко перекрестился и опустил сапог рядом с крестом.

И ведь перекрестился правильно!

Сработала генетическая память.

Вера предков, которая тысячу лет служила народу путеводной нитью, на генетическом уровне, не позволила ему совершить святотатство.

Какой внешний толчок нужен, чтобы эта память проснулась у целого народа?

ВЫСОТА

На днях встретил старинного приятеля – когда-то давно мы даже дружили, потом он уехал, долго жил в европах и америках и вот вернулся. Разговорились. И уже через минуту я понимаю, что говорить нам не о чем. Как на разных языках. Куда бы ни поворачивался разговор, приятель обязательно выводил его на бытовой уровень, на какой-то ремонт на кухне, на склочных соседей, на какую-то мелочовку.

А ведь какие надежды подавал! Девчонки были в него влюблены – даже не за внешность, за ум! Казалось, ему были доступны самые великие вершины духа...

Пытался как-то необходимо сказать ему, мол, Витёк, посмотри на себя, ты же был другим!.. Он смотрел на меня непонимающе и всё нёс ахинею про кафельную плитку.

Наверное, есть черта, переступив которую, человек перестаёт понимать, что он теряет высоту. И перестаёт слышать других.

Это видно лишь со стороны.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Первые числа января. Стоят лютые морозы. Утро. Автобус «Чита – Беклемишево» подошёл к привокзальной площади. Часы на башне показывают 9.30. Температура – 43 по Цельсию. Мне надо в библиотеку Пушкина, там я веду поэтический семинар. В запасе ещё часа три, успею сделать кое-какие поднакопившиеся дела – в городе бываю редко.

Прохожу мимо стройки. Очередная высотка. Территория огорожена плитами, но одна из них упала. Остановился. По рельсам бесшумно плывёт кран, стрела которого уходит в морозную вышину. Сверху спускается огромный крюк с расчалками. Внизу, на стопке бетонных плит, стоит парень в спецовке и показывает

рукой: майна! майна!.. Четыре строповочных троса уже касаются плит, но парень показывает рукой – ещё ниже, ниже! Он смотрит вверх. Улыбается. Из рта клубами идёт пар...

Лица далёкой, как птица, крановщицы не видно. Но видно, как она коротко и вопросительно разводит ладони, а потом послушно опускает крюк на уровень его груди. Вокруг стального крюка дрожит и плавится от мороза воздух. Парень снимает брезентовые рукавицы и, не отрывая лица от неба, нежно гладит голой ладонью этот страшный, промороженный до самой сердцевины крюк...

На семинар я пришёл вовремя. Говорили о поэзии.

Ещё не все потеряно у страны, в которой люди собираются поговорить о стихах. И в которой при сорокоградусных морозах металл остаётся тёплым.

ОНИ СВЕТИЛИСЬ!

Начало сентября. Дни стоят тихие, солнечные, прозрачные. Сегодня открывается литературный праздник «Забайкальская осень – 2014». В библиотеке им. Пушкина проходят встречи с читателями, семинары, выступления.

Я опаздываю. На остановке «Цирк «Шапито» останавливаю маршрутку, которая идёт каким-то длинным и загогулистым маршрутом: сначала к телецентру, потом к Старому кладбищу возле Кинопроката, потом ещё куда-то... Понимаю, что к началу семинара мне не успеть.

В центре города маршрутку останавливает молодая семейная пара. Он – высокий, загорелый, русые волосы слегка вьются. Она – стройная, черноволосая, черноглазая. У него на руках ребёнок, ребёнку месяца три-четыре. Молодые смотрят на своё чадо и улыбаются. Это даже не улыбка – их лица светятся. Потом смотрят друг на друга, словно благодарят и мир, и себя за это чудо.

И тот же свет идёт от них. Она смущается и прикрывается ресницами.

Все пассажиры смотрят на них. Но смотрят украдкой, чтобы не спугнуть чужое счастье. Какой-то балбес, говорящий громко по сотовому телефону, отключает сотик, прячет его в карман и тоже смотрит на счастливых родителей.

От них идёт ровный и надёжный свет.

Я смотрю на них и не хочу думать, что впереди их ждут не только такие солнечные дни.

Но сейчас – только солнечные!

В библиотеку я опоздал. Но опоздал совсем на чуть-чуть...

ЛИСТ ОСЕННИЙ, БОРДОВЫЙ, ОСИНОВЫЙ...

Сентябрь подошёл мягко и незаметно – влажный утренними туманами и прозрачный и звонкий сотовыми днями. Лес пустел птичьими голосами: если весной он был полон призывными любовными трелями, то сейчас, когда главное в их жизни уже свершилось, голоса стали спокойными, раздумчивыми, замедленными.

Пустела и база отдыха ведомственного научно-исследовательского института. Яркие, молодые, весёлые купальные костюмы, детские панамки, сандалии, воланы, бадминтонные ракетки и сачки с длинными ручками съехали в серый скучный город. На базе отдыха остались лишь научные работники возраста кандидатов в доктора наук, а также младшие и старшие научные работницы возраста кандидатов в кандидаты докторов наук. Кандидаты с утра до вечера сидели в лодках, покачиваясь на вялой волне и размышляли – то ли об очередной научной идее, способной перевернуть мир, то ли о привередливом вкусе окуней, пренебрегавших толстым червяком, лично добытом под бетонной плитой дорожки к главному корпусу.

Кандидатши в кандидаты до обеда сидели на пляже под грибами, неспешно и тщательно обсуждали несуществующие недостатки и замалчивая достоинства кандидатов, болтавшихся на волне. Затем начинали перемывать косточки другим коллегам, съехавшим в город. После обеда кандидатши отдыхали, а затем бродили по тропинкам, засыпанным первой листвой, и продолжали обсуждения.

Она появилась утром пасмурного задумчивого дня. Было непонятно – куда он повернёт: то ли к вёдру, то ли к ненастью. А он никуда не повернул, так и остался – с серой пеленой и редкими промельками солнца.

Кандидатши сразу забыли про своих кандидатов и принялись обсуждать новенькую. Было ей немного за тридцать, брюнетка, росту по мужское плечо. Новенькая ни с кем не сошлась в знакомствах, наоборот – всячески избегала их. Она бродила одна по тропинкам, иногда уходила за территорию базы отдыха или сидела на пляже под грибом, выбирая самый дальний.

Поселилась новенькая на втором этаже главного корпуса, похожем на мансарду и состоявшем всего из одной комнаты на четыре кровати. Кроме неё, постояльцев на этаже не было.

У новенькой было красивое строгое лицо, слегка смягчённое овальной светло-коричневой шляпкой, жакет и юбка осеннего цвета и туфли такого же, как и шляпка, умбрового тона, только чуть потемнее. Она бродила тропинками, останавливалась, подолгу смотрела на вершины лиственниц, ещё не тронутых желтизной. Вершины тонули в густой синеве. Иногда незнакомка чертила вокруг себя полукруг из первых опавших листьев берёзы, ольхи, осины, словно пытаясь огородиться от внешнего мира.

Тёплый осенний воздух чуть-чуть горчил. Так горчит шоколад, если маленький кусочек его оставить таять на кончике языка.

У неё была осенняя медленная походка и стать молодой берёзки. Разговоров она ни с кем не заводила. В комнате или читала у окна книгу, или подолгу стояла у оконной рамы и смотрела вверх осинника, вплотную подступившего к спальному корпусу.

Мои родители работали на этой базе отдыха. Все летние работы были закончены, можно было уезжать в город. Но я всё откладывал и откладывал свой отъезд. Не отпускала незнакомка. Мне стало необходимо каждый день видеть её. Всё сложнее стало находить несуществующую работу, дающую законное право находиться в видимой близости – собирать в кучи обломанные сучья и опавшие ветки.

Узнать её имя, кто такая, откуда – труда не составляло. Но я намеренно не делал этого. Кандидатши тоже ничего не знали о ней, ясно, что она не работала в институте.

За ней струилась тайна. Она оставалась и на тропинке из листьев, в которых оседала легкая горечь: в тридцать лет в прозрачный осенний день женщина не может и не должна оставаться одна.

Было два соблазна, которые я преодолел, за что уважаю себя по сегодняшний день. Первый соблазн – познакомиться. Неким шестым чувством понимал, что делать этого не следовало. В какой-то мере на это решение повлияло поведение кандидатов: кто-то оставил бессмысленную рыбалку и качался в гамаке с книгой, кто-то пытался познакомиться, но упирался в непрístupную невидимую стену.

Второй соблазн – угадать её имя. К своим тридцати после насыщенной путешествиями жизни, после тысяч и тысяч знакомств, выявилась некая закономерность между именем человека и его внешностью, его обликом, очертаниями его лица. Уверен, что человек с обликом Олега или Игоря не может быть Николаем, а Николай или Александр не могут носить имена Виктора,

Виталия или Сергея. Преодолел я и этот соблазн, хотя имя незнакомки уже освоилось на языке.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась: в утреннем тумане ушла на трассу к рейсовому автобусу. В этот же день как-то неожиданно быстро пошла вниз жёлтая листва с берёз, словно держалась, держалась и ждала тайного знака. Да и туманы сразу, в одно утро, стали холоднее.

Я ходил по тропинкам и подолгу стоял у полукруглых знаков из листьев, очерченных умбровой туфелькой. О чём она думала? Что с ней стало? Где она теперь?

А потом взял ключ и поднялся на второй этаж. Близкие осины смотрели в окна, напрасно выискивая знакомое лицо.

На подоконнике увидел бордовый осиновый листок. Долго стоял у окна, думал о какой-то ерунде.

Бордовый листок ещё несколько лет жил в моей записной книжке. Потом он иссох, переломился и пропал в огромном материальном мире. А потом прошла жизнь. Жизнь, которую осеняли десятки осеней и тропинок из листьев дуба, бука, граба, клёна, липы, берёзы. Жизнь, за которую довелось побывать миллионером и нищим, пройти тюрьмы и зоны, познать встречи и разлуки. А вот вспомнился именно этот листок из старой записной книжки.

Лист осенний, бордовый, осиновый...

НА КОТУРНАХ

Вечером возвращался домой, к телецентру. Троллейбус полупустой. Стою на задней площадке. Рядом приторочен к полу деревянный ящик, уж не знаю, что там водитель держал. Может, железо какое, может, что-то для уборки.

Конец рабочего дня. На площади толпа заливает троллейбус, прижимает меня к ящику, и мне волей-неволей приходится подняться на него.

Происходит чудо! Все люди остаются далеко внизу, самые высокие едва достают мне до груди. Я ловлю на себе оценивающие и восхищённые взгляды женщин, завистливые взгляды мужчин. Здесь надо признать, что рост от природы у меня небольшой – не Шварценеггер. И лицом не Ален Делон.

Три остановки взгляды всех в троллейбусе были обращены ко мне. Это стало минутой славы! Наступила жизнь совсем иного качества жизни. Но уже ближе к Новобульварной нехорошо и тревожно стало подсасывать под ложечкой. Хоть и молод был, но понимал, что всё хорошее когда-то заканчивается.

На остановке «Дом культуры машиностроительного завода» толпа как-то очень быстро схлынула. И остался я торчать на этом дурацком ящике. До сих пор не могу спокойно вспоминать, как менялось выражение на лицах. Словно я всех обманул. Обида. Насмешка. Презрение. Целый набор чувств.

Этого урока мне хватило на всю жизнь. Больше на котурны я не поднимался. Хотя знаю много людей, которые проводят на них всю жизнь. И я их не осуждаю. Это нормальное желание человека – выглядеть лучше, умнее, выше, красивее, талантливее, богаче, чем есть на самом деле. У меня не получилось.

РЖАВЫЕ ГВОЗДИ И ПРОБКИ ОТ ПИВНЫХ БУТЫЛОК

Раньше читинская барахолка была возле Старого кладбища, сразу за игрушечным зданием Кинопроката, на крутом левом берегу Кайдаловки. Приличная территория огорожена высоким неокрашенным забором, дощатые ворота. Кажется, надо было платить за вход символическую сумму, какие-то копейки. Впрочем, могу ошибаться.

Барахолка работала в субботу и воскресенье.

Чем только не торговали там! На длинных деревянных столах можно было найти вещи разных эпох и стилей. Чугунные

дореволюционные утюги прижимали к столам нафталиновые платя с воланами, играли патефоны, тут же продавали и пластинки... Народу всегда было много. Больше ходили, глазели, чем покупали. Об этой барахолке можно было написать целую поэму.

Но торговля начиналась уже на подступах к барахолке. Самодельные импровизированные лотки встречали людей на подходе к воротам. Товар здесь был поплоче, а публика попроще. Иногда торговали прямо с земли, товар раскладывали на холстине или газете.

Я любил посещать барахолку. Просто ходил по рядам и смотрел. Вот за этими бедными газетными лотками и увидел однажды небритого мужчину лет пятидесяти. На газете перед ним лежала пригоршня ржавых гнутых гвоздей. Гвозди эти были погнуты таким варварским и беспощадным образом, что выправить их и использовать в хозяйстве было невозможно. Впрочем, к вечеру кто-то всё же купил у него этот страшный товар.

Запомнилась старушка, которая торговала и вовсе уж диковинными вещами. Стояла она всегда рядом с Кинопрокатом, далеко от самой барахолки, как бы понимая, что ей со своим товаром в приличных рядах делать нечего. На газетке аккуратными кучками лежали металлические, ржавые, гнутые-перегнутые пробки от пивных бутылок. За пригоршню просила она пять копеек. До сих пор не могу понять, кому могло понадобиться такое счастье. Но к вечеру старушка благополучно распродалась, сворачивала газетку и уходила.

Значит, в городе среди трёхсот тысяч читинцев находился один, кому нужны были именно эти ржавые гнутые пробки.

У всех у нас разные пристрастия, свои странности.

Именно этим мы и интересны

СВОЙ ПОЧЕРК

После закрытия барахолки возле Старого кладбища над речкой Кайдаловкой торговцы разной мелочью переместились на рынок. В несколько рядов стояли столы из пятисантиметровых досок – длинные, во всю рыночную площадь. Столы высокие, лавок для сидения не было, продавцы весь день толкались на ногах. Барахолка работала лишь в выходные дни.

Я любил толкаться в этих рядах. И чего там только не было! Но после нескольких часов хождения и разглядывания всякой всячины я обязательно подходил к одному цыгану. Свой товар он всегда раскладывал в центре барахолки.

Цыган этот был из Кузнечных рядов. И был он кузнец. И торговал своей кузнечной работой.

С детства люблю металл. Но особенное уважение вызывает не штамповка, а металл, который мяли, ковали, гнули, варили, пилили, шлифовали и подарили ему неповторимую форму человеческие руки.

Цыган с достоинством поглаживал свою чёрную в серебре бороду и на вопрос, почему так дорого, почему грабли стоят десять рублей, невозмутимо отвечал, мол, сделано руками, штучная работа. И удержаться я не мог. Всегда у него что-нибудь да покупал. То грабли, то лопату, то карабины с вертлюгами, то цепи для сторожевых собак. И во всех его поделках был свой почерк. Сколько передержал я за свою жизнь железа из кузницы, одно время сам стоял у горна и наковальни, но предметы цыгана нельзя было спутать ни с какими другими.

Давно уже нет тех моих собак, одни умерли от старости, другие погибли в тайге на охоте, третьих порвали в драках на собачьих свадьбах, четвёртые попали под колёса машин. Другие собаки сидят на тех цепях, носят те же карабины и вертлюги. Давно пришли в негодность и выброшены штампованные магазинные

586732-

грабли и лопаты, а железо, кованное тем безымянным цыганом, всё работает и работает.

Чем дольше я живу, тем всё больше сомневаюсь, что вернусь в этот мир снова. Значит, не надо из него уходить. Значит, надо в нём остаться тем неповторимым, что есть в тебе.

Как остался цыган из Кузнечных рядов своими поковками.

Как остались мои родители Александр Васильевич и Любовь Андреевна лепной работой на здании рядом с управлением железной дороги, где магазин «Ткани», – карнизами, фризами, рустами, пилястрами.

Как остался песнями в памяти и на дисках мой друг бард Сергей Леонов.

Как остался своими стихами поэт Михаил Вишняков. Стихами, которые не спутать ни с какими другими.

Оставить свой почерк.

ОБМАН

Заехал как-то ко мне в Читу московский поэт Владимир С. Стихов он уже не писал, поскольку занялся коммерцией. Вот по этим своим купеческим делам ездил в Китай. Возвращаясь, вспомнил про меня, нашёл адрес. А знакомы были мы ещё по Литературному институту.

Встретились, угостились, как принято. И высказал он мне своё желание – иметь настоящий бурятский халат, национальный костюм. Терлик называется. Только не такой, какие продаются в магазинах, – цветные, яркие, современные. А чтоб он был непременно из сундука старинной работы, чтоб на нём была пыль веков или, на худой конец, моль десятилетий.

Сказано – сделано. Утром мы были уже в пути. Сговорились со знакомым о машине – деньги у Владимира были.

Название деревни улетучились из памяти, но помню, что было это в Агинском округе.

Небольшая толпа у почерневшего от времени бревенчатого амбара советского или досоветского времени. Возбуждённо переговариваются, машут руками, что-то кричат. Тут и русские, и буряты. Разговор идёт на русском языке, изредка проскакивают бурятские слова. Часто повторяются слова «канары» и «ширы». При этом стихнувшее было возбуждение вновь охватывает толпу.

Владимир реагирует на «Канары» правильно. Он говорит мне с удивлённым восхищением:

– Ну вы тут даёте! Кстати, Канары – понятно, а Ширы – это где?

Чтобы не расхохотаться, отворачиваюсь и откашливаюсь.

– Это курорт на Китайском море, у нас многие туда мотаются.

Через какое-то время на нас обращают внимание и показывают дорогу до избы хозяйки халата.

Домой Владимир уехал довольный поездкой. Сделал свои купеческие дела, приобрёл экзотическую вещь – настоящий бурятский халат, терлик. Увёз рассказ о забайкальцах из забытой Богом дыры, для которых смотаться на Канары или Ширы – обычное дело.

Я позволил ему обмануться. Не стал говорить, что «канары» – огромные мешки для хранения и перевозки овечьей шерсти. Ночью местные алкаши забрались в амбар и утащили единственное ценное, что там было – канары. Они же ширы.

ЗОВ КРОВИ

После войны осела на берегу озера Арахлей цыганская семья Роминых. То ли отбились от табора, то ли табор изгнал их от себя – не знаю. Начали они новую жизнь. Оседлую. Нарыли на

берегу землянок. Промышляли рыбалкой да охотой. Само собой, держали лошадей. Детишек у цыган много, скоро на берегу зацвёл новый табор.

В стране налаживалась мирная жизнь. Стали вокруг озера строить базы отдыха. Всякое мало-мальское предприятие норовило поставить дом или два для отдыха своих трудящихся. На эти базы требовались сторожа. А тут рядом цыганский табор. Выправили им паспорта, выписали трудовые книжки, и стали цыгане настоящим рабочим классом.

И вот тут сказалась цыганская кровь. Зов её требовал кочевать, сниматься с насиженного места, куда-то ехать. А, надо сказать, работники они хорошие, добросовестные, водку запоем не пили, хотя погулять любили и умели. Начальство такими кадрами дорожило. Но зов крови – кто же против этого устоит?

Положение создалось критическое: отпустить их нельзя – где потом таких работников найти? А не отпустить – сами уйдут. И вот тут кому-то пришла гениальная мысль – работодатели начали меняться сторожами. Меняются, например, два брата – Иван и Роман – базами отдыха. А базы отдыха стоят, разделённые одним забором, и братья видятся по двадцать раз на дню.

Начинаются сборы. Вяжут узлы. Пакуют коробки. Укладывают в машины и на телеги свои пожитки. Сборы. Шум. Крик. Смех. Кочуют. Меняются домами. Гулянье. Песни. Пляски.

Назавтра Роман просыпается в доме Ивана, а Иван – в доме Романа. И всё идёт по-прежнему. Но – кочевье состоялось. Пусть и игрушечное, театральное. Но оно было. Ещё на год удалось обмануть голос крови.

Я часто вижу эти перекочёвки. Но думаю уже не о них. Мы живём во время всевозможных заменителей. Кожзаменителей. Заменителей продуктов. Заменителей культуры. Заменителей морали. Заменителей отношений. Есть интимные заменители. Даже воздух заменили – он стал другой на вкус и на ощупь.

Удалось обмануть голос крови.
Человек ко всему привыкает.
А дети наши счастливы.
Они не догадываются, что живут в заменённом мире.
Им не с чем сравнивать.

ЗАМЕНА

Несколько лет назад в деревне пробурили скважину и поставили над ней водокачку. В этой водокачке проработал я два года на должности, которая, аки гидра, была о многих головах и вмещала в себя обязанности сторожа, слесаря, кочегара, электрика и прочее. Спать приходилось урывками. Через два года стало ясно, что от чего-то надо избавляться. Собственное хозяйство – скот и лошади, писательство и водокачка – вытянуть три дела мне было не под силу. Выбор без особого сожаления пал на водокачку.

С месяц подбирали мне замену. Дело оказалось сложным. Найти сегодня в деревне непьющего мужика почти нереально. Свой выбор администрация остановила на Сергее.

Сергею немного за тридцать. Грамоты он почти не знает, с горем пополам окончил четыре класса. По причине неграмотности в армии не служил. Не знает таблицу умножения, однако деньги считать умеет. Читает по слогам, пишет печатными буквами. Ничем не интересуется. Курит сигареты «Прима», но спиртного не употребляет.

Сергей знает, что была война, в которой русские воевали с немцами и американцами. Кто-то победил, но кто – не знает.

Природа очень постаралась и сделала из него то лучшее, что возможно сделать без вмешательства учителей, умных книг, хороших фильмов, нормального человеческого общения. Человек он неплохой, помогает, когда его попросят.

Это была демоверсия книги - Вьюнов В.А. Поэзия и проза. Т. 4: «Я, видимо, очень русский...»

С полной версией книги можно ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34